

А. В. ХРЯКОВ

МЕДИЕВИСТ П.Э. ШРАММ И ПЕРИПЕТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИСТОРИКОВ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Перси Эрнст Шрамм (1894–1970), специалист по истории средневековых коронаций и политического символизма, является одним из основоположников «новой политической истории». В условиях господства в Германии национал-социализма серьезно изменились представления о научном международном сотрудничестве, сделав контакты ученых небезопасными. Актуальная для немецкого историка коммуникативная сеть была уничтожена, а сам он был вынужден разорвать многие контакты.

Ключевые слова: П.Э. Шрамм, научное сообщество, международные научные связи, библиотека Варбурга, немецкая историческая наука.

Международные научные связи привлекают к себе внимание исследователей, занимающихся изучением истории исторической науки. Этот интерес оправдывается разными причинами, во-первых, тем, что научные связи являются формой межкультурных и межгосударственных контактов. Во-вторых, зарубежные поездки или знакомства с зарубежными учеными часто оказывают определяющее воздействие на формирование собственной оригинальной концепции. В-третьих, международные связи и признание за рубежом, действительно являются неотъемлемой частью существования научного сообщества и одним из механизмов функционирования и развития науки.

Если вспомнить такой примечательный феномен как «республика ученых», то международное сотрудничество, персональные контакты представителей научного сообщества и трансляция идей являлись необходимыми элементами существования европейских интеллектуалов еще до формирования исторической науки в середине XIX в. Историография, возникшая в рамках национального государства и тесно связанная с его потребностями, также не отказалась от транснационального сотрудничества, что связано с основополагающим принципом существования любого научного сообщества – признанием. По словам одного из классиков современной социологии науки Роберта К. Мертона: «Поскольку признание со стороны коллег есть базовая форма *внешнего* вознаграждения в науке, все прочие внешние награды, такие, как денежный доход от научной деятельности, продвижение к вершинам научной иерархии и расширение доступа к человеческому и материальному научному капиталу,

являются производными от нее... Наряду с *внутренним* удовлетворением, которое ученый получает от самой работы над научной проблемой и от решения ее, такого рода система внешних вознаграждений дает мощный стимул к ревностному и напряженному труду и получению результатов, которые привлекут внимание знающих специалистов и найдут применение в работах некоторых из них»¹.

В борьбе за пресловутый «социальный капитал» (Бурдье) международное признание является аргументом, позволяющим укрепить свою репутацию в рамках национального сообщества. Наднациональная «эйкумена историков»² уже в XIX в. включала в себя международные союзы, членство в международных академиях, специальные журналы, конференции и конгрессы. И участие в жизни транснационального научного сообщества, а также отождествление себя с ним было очень важной частью личной идентификации многих историков конца XIX – начала XX в.

Первая мировая война справедливо считается ключевым событием в крушении как транснационального сообщества, так и его идеалов, а сама историческая наука в годы войны стремительно национализировалась³. Поле международных контактов и принадлежность к транснациональному научному сообществу стали восприниматься не из потребностей науки в наличии взаимовыгодного «рынка» профессионального признания, а исходя из потребности национального государства в укреплении собственного престижа и отстаивании своих внешнеполитических интересов. И попытки немецких историков в 1920–30-е восстановить бывшие международные контакты и возвратиться в лоно мировой науки были продиктованы не только желанием отдельных ученых, но и поддержаны ревизионистским устремлением немецких властей вернуть себе былое лидерство в научной сфере⁴. Это создавало известную напряженность в понимании целей и задач подобного международного обмена, особенно в тех случаях, когда национальные идеалы вступали в противоречие с идеалами *scientific community*. И многим историкам, чья деятельность получала признание и находила поддержку за границей, приходилось в конечном итоге жертвовать своим международным авторитетом и идти на сознательный разрыв бывлых коммуникативных сетей.

Мы рассмотрим научную деятельность выдающегося немецкого медиевиста XX в. Перси Эрнста Шрамма (1894–1970), чьи исследования по

¹ Мертон. 1993. С. 271.

² Erdmann. 1987.

³ Дмитриев. 2001. С. 196–235.

⁴ Советско-германские... 2001.

истории средневековых коронаций и политического символизма стали основополагающими для формирования так называемой «новой политической истории»⁵. Работая в рамках европейской сравнительной истории, занимаясь сюжетами из истории Германии, Франции, Англии немецкий историк всегда был заинтересован в сотрудничестве с коллегами из других европейских стран, в свободном обмене научными достижениями, обмене, не связанном национальными рамками, вознаграждением чему стало его международное признание. Но, вместе с приходом к власти в Германии нацистов и разрушением интернациональной коммуникативной среды изменилось и отношение к международному сотрудничеству, что потребовало от многих ученых разорвать былые научные связи. Предметом нашего рассмотрения станут несколько эпизодов научной биографии Шрамма, наглядно демонстрирующих этот процесс.

П.Э. Шрамм родился 14 октября 1894 г. в ганзейском Гамбурге в потомственной купеческой семье, принадлежавшей к высшему слою местного общества, в котором торговцы всегда занимали главенствующие позиции. Предки историка могли похвастаться не только славной родословной, но и значительными капиталами, что приносила им торговля. Родственники по материнской линии основали торговое представительство в Африке, а интересы предков по отцовской линии были связаны с Бразилией. Его отец, будучи юристом, сохранил верность семейным купеческим традициям, участвуя капиталами в деятельности ряда местных фирм, и, кроме того, активно занимался политической деятельностью на местном уровне и даже был избран одним из сенаторов Гамбурга.

Богатая талантами и выдающейся родословной семья стала для молодого Шрамма первым толчком к занятиям историей. Хотя никто не сомневался, что он, как и его уважаемые предки, выберет купеческую или юридическую карьеру, его любимым занятием стало собирание сведений о предках и составление семейной генеалогии. Отец по роду своей деятельности был не чужд истории. Так к его ближайшему кругу общения принадлежал историк Эрих Маркс, работавший с 1908 г. в «Колониальном институте», основанном в Гамбурге. Но, пожалуй, наибольшее влияние на будущее молодого Шрамма оказало знакомство с выдающимся культурологом Аби Варбургом (1866–1929) – ближайшим знакомым родителей, охотно откликнувшимся на их просьбу помочь юному Перси в его страстном увлечении семейной историей. Дружба с Варбургом, начавшаяся в 1911 г., определяла научное поведение Шрамма и после смерти культуролога.

⁵ *Ле Гофф*. 1994. С. 182-183.

Сегодня Аби Варбург считается признанным родоначальником современной культурологии⁶. Он родился в Гамбурге, в богатой еврейской семье. Являясь первенцем своих родителей, Аби Варбург должен был унаследовать семейное дело – Банк Варбургов. Но будущий ученый отказался от банковской карьеры, уступив право первенства следующему брату Максу, со слов которого и стало известно о заключенном между двумя братьями договоре: в обмен на первенство в семейных банковских делах, младший брат обязывался предоставлять старшему брату средства на покупку любых книг, которые Аби Варбург сочтет нужными – так началась история знаменитой «Библиотеки Варбурга»⁷.

Страстное увлечение Шрамма средневековьем не было результатом дружбы с Варбургом, тем более что сам Варбург интересовался, прежде всего, античным наследием в современном мире, а его интерес к поздней готике был лишь очередным сюжетом на пути к главной цели – прояснению античного наследия в эпоху Возрождения⁸. Именно от Варбурга Шрамм перенял желание и умение воспринимать изображения в качестве источника не только вдохновения, но и фактической информации.

Общественно-политическую актуальность средние века приобрели задолго до прихода нацистов к власти. С конца XIX в. европейское средневековье становится предметом широкого общественного интереса, выйдя за узкие рамки профессиональной историографии в мир искусства, философии, поэзии⁹. Но если первоначально очарование средневековьем было вызвано разочарованием в модернизации и ее последствиях, то после поражения в Первой мировой войне и «позорного» Версальского мира, средневековье в Германии стало синонимом антиреспубликанизма и антизападничества. Однако как в первом, так и во втором случае, «воображаемое средневековье осмысливалось в его соотношении с современностью и было предназначено для отрицания современности»¹⁰.

Летом 1914 г. Шрамм был зачислен в университет города Фрайбурга, но учебу пришлось отложить на неопределенное время – началась война, в которой будущий историк принимал участие. Как и для подавляющего большинства молодых людей его поколения, участие в войне, включая ее катастрофический исход, было решающим фактором в формировании его личности и мировоззрения. Аби Варбург не разделял восторженного отношения своего взрослого ученика к войне,

⁶ Дороченков. 2008.

⁷ Warburg. 1979. S. 26.

⁸ Gombrich. 1992. S. 136, 177, 245–248, 412–417.

⁹ См. об этом: Oexle. 1997. S. 338–348; Oexle. 1992. S. 125–153.

¹⁰ См.: Эжле. 1996. С. 215.

критикуя его в письмах за согласие с аннексионистскими стремлениями германских властей. В одном из писем на фронт он писал: «Ты должен снова мало-помалу учиться рассматривать мир как историк»¹¹. В годы войны психическое состояние Варбурга резко ухудшилось, переживания по поводу случившейся катастрофы привели его сперва в лечебный санаторий, а спустя несколько лет в психиатрическую больницу¹². Пока было возможно, Шрамм навещал своего друга и учителя, гуляя с ним, обсуждал исторические проблемы, стремясь вывести его из болезненного мира иллюзий. Дружба с великим культурологом привела будущего историка в его библиотеку, где он познакомился с Фрицем Заклем, постоянным сотрудником и будущим директором библиотеки, и Эрвином Панофски – руководителем библиотечного семинара.

После демобилизации Шрамм учился в Мюнхене и Гейдельберге, В Гейдельберге под руководством Карла Хампе (1869–1936), на тот момент самого известного и выдающегося медиевиста Германии, он защитил в 1922 г. свою первую диссертацию «Исследование по истории императора Оттона III», а через два года вторую – «Империя, Рим и Античность с конца IX по XII вв.».

Его вышедшее в 1928 г. двухтомное сочинение «Немецкие императоры и короли в изображениях собственных эпох», фактически является первым в мировой историографии исследованием визуальной информации о средневековых правителях с привлечением самых разных источников от монет и печатей до произведений искусства¹³. Почти одновременно вышло в свет двухтомное сочинение, сделавшее имя Шрамма известным за пределами национального исторического сообщества¹⁴. Значимость этой книги для самого историка демонстрирует тот факт, что спустя четверть века после издания работы, он продолжал представляться как «автор Императора, Рима и Возрождения»¹⁵.

С 1929 г. и вплоть до самой смерти Шрамм являлся профессором средневековой и новой истории и вспомогательных исторических дисциплин Геттингенского университета. Благодаря покровительству геттингенского профессора Карла Бранди (1868–1946), председателя Союза немецких историков¹⁶, молодой медиевист стал членом Центрального

¹¹ *Grolle*. 1989. S. 13.

¹² О реакции А. Варбурга на войну и связанной с этим болезни см.: *Gombrich*. 1992. S. 280–294.

¹³ *Schramm*. 1928.

¹⁴ *Schramm*. 1929.

¹⁵ *Kamp*. 1987. S. 352.

¹⁶ *Petke*. 1987. S. 287–320.

комитета Союза. Кроме того, с подачи все того же Бранди, члена правления Международного исторического комитета, Шрамм стал участником Международной иконографической комиссии, призванной способствовать распространению практики привлечения изобразительных материалов в качестве исторических источников. Он был избран в редколлекции ведущих исторических журналов Германии: «Прошлое и настоящее» и «Исторический журнал».

Здесь же в Геттингене, Шрамм принял самое активное участие в политической жизни города и страны. В ходе президентских выборов 1932 года он возглавлял местное отделение так называемого «Комитета Гинденбурга» – внепартийной организации, стремившейся к переизбранию П. Гинденбурга президентом Германии. Парадоксальность этих выборов состояла в том, что для всех кто не желал победы радикально настроенных А. Гитлера и Э. Тельмана, противник демократии Гинденбург превратился в единственного защитника Веймарской республики и конституции. Шрамм скептически относился к парламентской системе и партийной борьбе как ее составляющей, поэтому лидера национал-социалистов он воспринимал именно как образец партийного политика, действующего исключительно в интересах собственной партии. Национальный же консенсус мог обеспечить лишь человек надпартийный, не связанный клановыми корыстными интересами.

Приход Гитлера к власти Шрамм наблюдал из-за океана, находясь с января 1933 г. в Соединенных Штатах по приглашению Принстонского университета. Несмотря на прошлые предубеждения в отношении нацистов он, как и большинство немецкой буржуазии, с воодушевлением встретил приход Гитлера в правительство. Более всего он восторгался активностью и энергичностью гитлеровского «движения» и возможностью его соединения с чаяниями национально-консервативных сил.

После выборов в Рейхстаг, когда нацисты получили 44% голосов, а все правые получили 52%, он писал жене: «52 % – это же счастье»¹⁷. В своих письмах на родину он приветствовал все начинания нацистов, несколько не сомневаясь в необходимости применения полицейского террора в отношении противников нового режима, и прежде всего коммунистов. Политические перемены он оценивал как возвращение к идеалам, за которые он сражался в годы Первой мировой войны. «Я уже не надеялся, что черно-бело-красное знамя вернется... Я приветствую это всем сердцем»¹⁸.

¹⁷ *Grolle J.* 1989. S. 22–23.

¹⁸ *Ibid.* S. 23.

В Америке Шрамм столкнулся со скептическим отношением научной общественности и средств массовой информации к «революционным» событиям в Германии. Скепсис американцев, немецкий историк объяснял плохой информированностью о ситуации в Германии. Он пытался исправить это положение вещей, развернув активную агитационную деятельность в рамках собственных лекций и встреч в американских университетах¹⁹. Назначение Гитлера канцлером и дальнейшие события он идентифицировал как революционные, главной целью которых являлось укрепление единства Рейха. Ограничение политических свобод и насилие в отношении еврейского населения, на что, прежде всего, обращали внимание за границей, Шрамм списывал на издержки революционного времени, считая их вторичными и преходящими. Поведение Шрамма не является сколько-нибудь особенным на фоне других представителей исторического цеха. За небольшим исключением, историки Германии воодушевленно и искренне приветствовали начавшиеся политические перемены.

Но находясь вдалеке от родного дома и получая информацию исключительно из газет и редких писем, Шрамм довольно плохо представлял себе истинное положение вещей в горячо любимой и защищаемой им Германии. За время его отсутствия в родном университете изменилось очень многое, в том числе и в его жизни – местные нацистские активисты сделали отсутствующего профессора мишенью для своих нападок. Американская командировка и, как следствие, неучастие в событиях «национальной революции» выглядело в глазах сторонников национал-социализма подозрительным.

Поводом послужило принятие 7 апреля 1933 г. знаменитого закона о «Восстановлении профессионального чиновничества», который содержал не только так называемый «арийский параграф», запрещавший преподавать представителям еврейской национальности, но и «политический параграф», позволявший увольнять с государственной службы политически неблагонадежных, «кто своей предыдущей политической деятельностью не гарантировал безоговорочную преданность национальному государству». Шрамму припомнили его активное участие в избирательной компании 1932 года, что грозило ему потерей места профессора. Это заставило его покинуть Соединенные Штаты раньше намеченного срока и спешно вернуться в Германию.

Шрамму удалось сохранить место, заверив университетские власти в своей полной лояльности новому правительству, но с рядом близких

¹⁹ Ibid. S. 24–28.

людей, в том числе другом юности историком Отто Вестфалем, принявшим самое активное участие в травле Шрамма пришлось прекратить дружеские отношения. Несмотря на формальную победу и полученную со стороны руководства поддержку, Шрамм серьезно отнесся к этой истории, понимая насколько уязвимо его положение. Международные связи и активные контакты историка стали явно небезопасными и грозили серьезными проблемами ему и его покровителю К. Бранди. Отныне международные встречи стали восприниматься исключительно как арена борьбы и место отстаивания собственных политических интересов, где международное признание скорее создает проблемы, а не является доказательством научного авторитета.

Одной из таких встреч, в которой П.Э. Шрамм принимал участие, стал VII Международный исторический конгресс в Варшаве, который проходил в польской столице в августе 1933 г. и был посвящен истории Восточной Европы. Проведение конгресса во враждебной Польше требовало от немецких историков, по словам К. Бранди, «признания того факта, что немецкие ученые-историки должны сосредоточить свое внимание, главным образом, на национальных вопросах современности»²⁰. В качестве тренировочной площадки для выработки единой немецкой позиции по «спорным» вопросам был выбран Геттинген, где в августе 1932 г. состоялся XVIII съезд Союза немецких историков, на котором обсуждались разнообразные сюжеты восточно-европейской истории²¹. В связи с тем, что само существование независимой Польши подвергалось немецкими властями сомнению из-за ее связи с ненавистным Версальским договором, на полном серьезе рассматривался вопрос о возможности участия немецких историков в этой международной встрече. Помимо представителей Союза немецких историков, ряда исторических комиссий, специалистов по истории «восточного вопроса», в выработке общей позиции участвовали чиновники Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел²².

Учитывая, изменившуюся ситуацию внутри Германии, связанную с приходом к власти нового правительства во главе с Гитлером, от немецкой делегации требовалось единство и сплоченность в деле защиты и отстаивания немецких национальных интересов. Для этих целей, один из руководителей «остфоршунга» Альберт Бракман, составил так называемый «Путеводитель» (*Vademecum*), содержащий ряд воображаемых

²⁰ *Brandi*. 1934. S. 214.

²¹ *Petke*. 1987. S. 302-303.

²² *Erdmann*. 1987. S. 197.

диалогов-споров между гипотетическими представителями польской историографии, с одной стороны, и немецкой, с другой. Судя по «Путеводителю», немецкая сторона готовилась к обсуждению таких политически злободневных и актуальных вопросов как: этническая принадлежность лужицкой (иллирийской) цивилизации бронзового века; расправа немецких рыцарей над жителями Данцига в 1308 г.; соответствии границ Польши в XX и XVIII веках; этническая принадлежность кашубинцев; национальная принадлежность Коперника и др.²³

Но участие даже в санкционированных свыше международных мероприятиях не было гарантией от нападков со стороны своих националистически настроенных коллег, рассматривавших любые интернациональные контакты как национальную измену.

В начале 1934 года, т.е. через несколько месяцев после окончания конгресса, Шрамм оказался в центре университетского скандала, поводом к которому послужила речь геттингенского археолога, яркого националиста, профессора Ульриха Каршtedта. Он обвинял немецкую делегацию, участвовавшую в Международном съезде историков в Варшаве в предательстве национальных интересов. Выступление содержало недвусмысленный намек на всех сторонников международного сотрудничества: «Зададим себе вопрос. Если на французов наложить Версальский диктат, Францию искалечить, истощить, обезоружить и обосновать это вердиктом о моральной неполноценности французов, а университет Гренобля ответит на это приглашением автора этого вердикта в качестве оратора. Что случится тогда? Если большая часть Англии будет оккупирована вражескими войсками, мужчины избиты, женщины обесчещены, семьи изгнаны, а университет Кембриджа ответит на это, чествованием граждан оккупационных держав как дорогих гостей. Что случится тогда? Если от Италии отделить значительные провинции и в них запретить итальянские школы, а профессура в Палермо решит раздавать комплименты угнетателям, что случится тогда? Я думаю, мы знаем что произойдет. Студенты возьмут дубины и забьют профессоров насмерть. И ничего больше...»²⁴.

В присутствии бургомистра, ректора, профессуры университета, а также многочисленного студенчества Каршtedт под одобрительные возгласы предложил принести торжественную клятву: «Мы отказываемся от интернациональной науки, мы отказываемся от интернациональной республики ученых, мы отказываемся от исследований ради

²³ *Burleigh*. 1988. P. 59–61.

²⁴ *Ulrich Kahrstedts Festrede...* 1996. S. 366.

исследований. У нас историю преподают и изучают не для того чтобы сказать как это было на самом деле, но для того чтобы немцы из того как было, учились... <немецкий ученый> принадлежит только немецкому народу, а не интернациональной республике ученых»²⁵.

Некоторые из геттингенских историков, в том числе Шрамм, оскорбленные подобными обвинениями, сразу же после окончания речи вызвали зарвавшегося коллегу на дуэль. Археолог был вынужден принести извинения, а ректор выразил сожаление о случившемся²⁶. Конфликт был исчерпан через несколько дней, после заключения Пакта о ненападении с Польшей в том же январе 1934 г.; позиция Шрамма и всех участников конгресса в Варшаве была подкреплена официально.

Однако, несмотря на такой исход конфликта Шрамм и Бранди прекрасно понимали, что в случае повторения ситуации, исход будет менее благоприятным. Ведь Карштедт лишь выразил общее мнение о существовании единственно возможной формы международных отношений в науке – *соперничество*. Черно-белое манихейское восприятие окружающего мира, в котором есть либо друзья, либо враги, значительно облегчает понимание происходящего вокруг, не требует серьезных усилий для ориентации в настоящем и прошлом. Стремление к полному безусловному единству, не признающее саму возможность существования «Другого» сплачивает сообщество вокруг ненависти к мифическому противнику, дает чувство общности и укрепляет собственную значимость.

Подобная картина мира вела и к особому пониманию научного сообщества как сплоченного коллектива боевых товарищей, противостоящего враждебному окружению. Любые, даже самые безобидные контакты с учеными других стран объявлялись предательством интересов нации. Исходя из данных представлений, нацистское правительство активно финансировало привлечение к сотрудничеству дружественных, германоориентированных историков из соседних стран, опиравшихся в своих изысканиях схожие, прежде всего, националистические подходы. Но искусственная самоизоляция в итоге способствовала лишь одному – исчезновению продуктивных теоретических споров и дискуссий в науке и отсутствию движения вперед.

Как следствие, былая активность Шрамма в международном сотрудничестве, и прежде всего его работа в Иконографической комиссии, постепенно сошла на нет, а его отношения с зарубежными историками претерпели серьезные изменения. Он был вынужден отказаться от по-

²⁵ Ulrich Kahrstedts Festrede... 1996. S. 368.

²⁶ Wegeler. 1996. S. 156–157.

вторного приглашения в США, от поездки в Италию. Исходя из собственных представлений о лояльности и национальном интересе, он стал чаще выступать с апологией немецкой позиции, стремясь защитить ее от любой критики извне.

Кроме того, ощущая постоянную угрозу собственному положению в университете, Шрамм предпринял ряд шагов, которые должны были оправдать его в глазах новых властей: в 1934 г. он вступает в СА, а в 1937 г. подает заявление о приеме в нацистскую партию, которое было удовлетворено в 1939 г. Конечно, со стороны подобное поведение немецкого профессора выглядит как банальный оппортунизм и желание обезопасить себя, но взаимоотношения Шрамма с нацизмом гораздо сложнее и противоречивее, что зачастую упускали из виду его критики, как из лагеря убежденных нацистов, так и его бывшие коллеги и друзья по Библиотеке Варбурга. Он действительно симпатизировал нацистам и был воодушевлен теми переменами, что произошли со страной в первые годы их пребывания у власти. Военные переживания 1914–1918 гг. детерминировали многие из его мировоззренческих установок, определяя его основополагающие устремления, к которым относились сильная нация во внешней политике и сплоченная нация во внутренней.

Но противостоя таким «оппортунистическим» образом внешним угрозам, Шрамм не мог ничего поделать с изменением, а точнее с разрушением той коммуникативной среды, в которой протекала его научная жизнь в 1920-х – начале 1930-х гг., средой, которая не только оценивала «по гамбургскому» счету все, что делал историк, но также питала и способствовала развертыванию многих оригинальных научных идей. Фактическое разрушение Института универсальной истории при Лейпцигском университете, привело к исчезновению среди прочего и Немецкой иконографической комиссии, членом которой являлся Шрамм. Не меньшим потрясением для Шрамма стало увольнение и последовавшая эмиграция близкого друга – Эрнста Канторовича, одного из немногих ученых занимавшихся схожей проблематикой.

Но, пожалуй, наибольшее воздействие на Шрамма оказала эмиграция Библиотеки Варбурга, с которой его связывала не только научная деятельность, но и личная дружба с сотрудниками и общая память об Аби Варбурге. Планы о переводе Библиотеки за границу, обсуждавшиеся еще до прихода Гитлера к власти, в 1933 г. стали стремительно воплощаться в жизнь. Шрамм к тому моменту уже вернулся из США и пробовал уговорить сотрудников Библиотеки, и прежде всего Фрица Заксля, сохранить собрание книг в Германии, наивно полагая, что в ско-

ром времени ситуация исправится в лучшую сторону²⁷. Однако, несмотря на уговоры, в декабре 1933 года сотрудники Библиотеки со всем инвентарем и 60 000 томами книг на нескольких кораблях покинули Гамбург, чтобы основать в Лондоне «Институт Варбурга».

Многолетнее сотрудничество Шрамма с Библиотекой и личная дружба с Закслем прервались в начале 1935 года когда Шрамм выступил в качестве рецензента изданной Библиотекой «Библиографии», посвященной античному наследию в современной культуре²⁸. Надо отметить, что Шрамм оказался в очень сложной ситуации, когда ради собственной безопасности и возможности вести прежнюю жизнь пришлось жертвовать дружбой и идти на сделку с собственной совестью. Выбор, с которым столкнулся немецкий историк, при любом решении ставил его в незавидное положение, и власти «Третьего рейха» были большими мастерами в предоставлении человеку подобного «сатанинского выбора».

Еще будучи сотрудником «Исторического журнала», Шрамм согласился рецензировать готовившуюся к публикации библиографию, тем более что имел к ней непосредственное отношение, участвуя в обсуждении концепции издания и консультировании ряда авторов. Но с момента предварительной договоренности произошли принципиальные перемены, и давать официальную рецензию на издание эмигрировавшего в Англию Института, руководимого вдобавок ко всему евреем, для Шрамма было небезопасно, тем более что оппоненты использовали любой повод для его диффамации. 5 января 1935 года в «Фелькише беобахтер» вышла пропитанная ненавистью рецензия некоего Мартина Раша с примечательным названием «Евреи и эмигранты творят немецкую науку», в которой автор всячески подчеркивал еврейское происхождение авторов «Библиографии» и поносил книгу как коммерческую халтуру банды дельцов²⁹.

Вместо того чтобы отказаться от рецензирования книги и попытаться объяснить бывшим коллегам всю серьезность и шаткость своего положения, Шрамм в частном письме руководству Варбургского института высказал собственное мнение относительно предложенной ему для рецензии книги³⁰. В начале и в конце своего письма, Шрамм подчеркнул, что развернутая на страницах нацистской прессы травля «Библиографии» никак на него не повлияла, более того он считает, что «тон, уровень и суть» этой полемики не достойны обсуждения.

²⁷ *Grolle*. 1991. S. 99.

²⁸ Kulturwissenschaftlichen Bibliographie. 1934.

²⁹ *Rasch*. 1989. S. 295–298.

³⁰ Гроле подробно анализирует данное письмо, см.: *Grolle*. 1991. S. 102–104.

Однако, в то же время, Шрамм высказался вполне определенно, что он не желает, чтобы его имя как одного из соавторов и рецензентов, опубликованной «Библиографии» соседствовало с именами людей, позволявшими себе «высказываться в антинемецком смысле»³¹. Речь шла об историке Раймонде Клибанском, который в ответ на одно из частных приглашений в Германию заявил, что больше никогда не посетит дом немецкого профессора. Это заявление никоим образом не касалось профессора Шрамма и было адресовано другим лицам, да и слышал он об этом высказывании лишь в пересказе. Письмо привело не только к прекращению всех контактов историка с Библиотекой и Институтом Варбурга, но и к разрыву с людьми, с которыми он был связан многолетней дружбой и памятью о покойном Аби Варбурге. Этот случай показывает, что Шрамм перестал делать различия между Германией и национал-социалистическим режимом, считая своим патриотическим долгом защищать нацистскую Германию от любой критики.

Как и большинство его сограждан, Шрамм целиком и полностью поддерживал проводимые правительством Гитлера мероприятия и прежде всего активную внешнюю политику. Как человек прошедший через невзгоды Первой мировой войны, немецкий историк более всего ценил «мирный» характер гитлеровских инициатив, но надо признать, что подобную ошибку допускали и куда более изощренные европейские политики. Не желая повторения ужасов мировой войны, бывший фронтовик Шрамм искал то общее, что связывает европейские народы и страны. Именно идея об общности европейских монархий стала основой для всех его работ написанных в первые годы нацистского правления в Германии, с 1933 по 1939 гг. Если в начале карьеры историка в центре его внимания находилась сама королевская власть (по преимуществу германская), то постепенно его интерес сосредотачивался на так называемых *Ordines* (коронационных чинах) в разных странах Европы. Хотя в каждой из стран они имели свои отличительные черты и специфические формы, Шрамма привлекало в коронациях то, что они являлись общим для Европы сюжетом, понять который в полной мере можно лишь в условиях общеевропейского международного сотрудничества.

Его исследования получили европейское признание и даже приобрели политическую актуальность. В январе 1936 г. в Англии скончался король Георг V, наследовать которому должен был его сын Эдуард VIII. Учитывая предстоящую коронацию, английский исследователь Остин Лан Пол обратился к Шрамму с предложением написать историю

³¹ Ibidem.

английской коронации. Так как до торжеств оставалось еще около года, а основной материал уже был собран, немецкий историк с воодушевлением откликнулся на это предложение. Кроме того, было решено, что книга выйдет одновременно на двух языках: немецком и английском. Книга была закончена весной 1937 года и поступила на книжные рынки обеих стран непосредственно перед коронацией... но уже Георга VI³².

Книга, вышедшая одновременно в Англии и Германии, являет собой очень удачный, но крайне редкий для того времени пример международного сотрудничества. Удачный маркетинговый ход в виде коронации нового короля обеспечили ей внимание британской общественности, а немецкому историку славу знатока английских традиций и ритуалов и личное приглашение на коронацию.

Не желая отказываться от своей идеи об общности западного мира, опасаясь возможной новой войны и потому поддерживая все «мирные» инициативы Гитлера, Шрамм мучительно пытался перестроить свои исследования таким образом, чтобы найти в них место и преклонению перед национальными особенностями Германии, и уважению к общеевропейским культурным ценностям. В таком контексте международные научные связи для него действительно были не пустым звуком, а проявлением извечной общности европейских народов, восходящей к средневековью. Но если в средние века и даже еще в начале XX века, вполне можно было сочетать ученый интернационализм со служением национальному государству, то в 1930-е гг. это стало категорически невозможно. Следствием нового понимания смысла и значения международного сотрудничества стало замыкание немецкой исторической науки в себе и ее все более возрастающая провинциализация.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное сообщество // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлении и социальной действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 196–235.
- Дороченков И.* Аби Варбург: Сатурн и Фортуна // Аби Варбург. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности / Пер. с нем. Е. Козиной. СПб: Азбука-классика, 2008. С. 7–50.
- Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 177–192.
- Мертон Р.К.* Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.
- Советско-германские научные связи времени Веймарской республики.* СПб: Наука, 2001. 368 с.

³² *Schramm.* 1937 (a); 1937 (b).

- Эксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью. «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 213–235.
- Brandi K. Der Siebente Internationale Historikerkongress zu Warschau und Krakau 21.–29. August 1933 // Historische Zeitschrift. Bd. 149. 1934. S. 213–220.
- Burleigh M. Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge: University Press, 1988. 363 p.
- Erdmann K.D. Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comité International des Sciences Historiques. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. 495 S.
- Erickson R.R. Kontinuitäten konservativer Geschichtsschreibung am Seminar für Mittlere und Neuere Geschichte: Von der Weimarer Zeit über die nationalsozialistische Ära bis in die Bundesrepublik // Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus: das verdrängte Kapitel ihrer 250-jährigen Geschichte / Hrsg. von H. Becker, H.J. Dahms, C. Wegelen. München, London, New York, Oxford, Paris: Saur, 1987. S. 219–245.
- Gombrich E.H. Aby Warburg. Eine Intellektuelle Biographie. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1992. 478 S.
- Grolle J. Der Hamburger Percy Ernst Schramm – ein Historiker auf der Suche nach der Wirklichkeit. Hamburg: Verein f. Hamb. Gesch., 1989. 63 S.
- Grolle J. Percy Ernst Schramm – Fritz Saxl. Die Geschichte einer zerbrochenen Freundschaft // Aby Warburg. Akten des internationalen Symposions Hamburg 1990 / Hrsg. von H. Bredekamp, M. Diers, Ch. Schoell-Glass. Weinheim: VCH, Akta Humaniora, 1991. S. 95–114.
- Kamp N. Percy Ernst Schramm und die Mittelalterforschung // Geschichtswissenschaft in Göttingen. Eine Vorlesungsreihe / Hrsg. von H. Boockmann, H. Wellenreuther. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. S. 344–363.
- Kulturwissenschaftlichen Bibliographie zum Nachleben der Antike. Bd. 1: Die Erscheinungen des Jahres 1931 / Hrsg. von Bibliothek Warburg. Leipzig, Berlin, 1934.
- Oexle O.-G. Das Mittelalter und das Unbehagen an der Moderne. Mittelalterbeschwerden in der Weimar Republik und danach // Spannungen und Widersprüche. Gedenkschrift für Frantisek Graus / Hrsg. von S. Burghartz. Sigmaringen: Thorbecke, 1992. S. 125–153.
- Oexle O.-G. Die Moderne und ihr Mittelalter. Eine folgenreiche Problemgeschichte // Mittelalter und Moderne. Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt / Hrsg. von P. Segel. Sigmaringen, 1997. S. 307–364.
- Petke W. Karl Brandi und die Geschichtswissenschaft // Geschichtswissenschaft in Göttingen. Eine Vorlesungsreihe / Hrsg. von H. Boockmann, H. Wellenreuther. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. S. 287–320.
- Rasch M. Juden und Emigranten machen deutsche Wissenschaft // Kosmopolis der Wissenschaft. E.R. Curtius und das Warburg Institute. Briefe 1928 bis 1952 und andere Dokumente / Hrsg. von D. Wuttke. Baden-Baden: Körner, 1989. S. 295–298.
- Schramm P.E. Geschichte des englischen Königums im Lichte der Krönung. Weimar: Böhlau, 1937 (a). XVI, 301 S.
- Schramm P.E. A History of the English Coronation, translated by Leopold G. Wickham Legg. Oxford: Clarendon Press, 1937 (6). XV, 283 p.
- Schramm P.E. Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit. I Teil: Bis zur Mitte des 12. Jahrhunderts (751–1152). Mit 144 Lichtdrucktafeln. 2 Bde. Leipzig, Berlin: B.G. Teubner, 1928. XII, 240 S., 135 S.

Schramm P.E. Kaiser, Rom und Renovatio. Studien und Texte zur Geschichte des römischen Erneuerungsgedankens vom Ende des karolingischen Reiches bis zum Investiturstreit. 2 Bde. Leipzig, Berlin: B.G. Teubner, 1929. 490 S.

Ulrich Kahrstedts Festrede zur Reichsgründungsfeier der Göttinger Universität am 18. Januar 1934 // *Wegeler C.* „...wir sagen ab der internationalen Gelehrtenrepublik“. Altertumswissenschaft und Nationalsozialismus. Das Göttinger Institut für Altertumskunde. 1921–1962. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1996. S. 357–368.

Warburg M. Rede, gehalten bei der Gedächtnis-Feier für Professor Warburg am 5. Dezember 1929 // *Mnemosyne*. Beiträge von Klaus Berger, Ernst Cassirer u.a. zum 50. Todestag von Aby M. Warburg / Hrsg. von St. Füssel. Göttingen: Grata, 1979. S. 23–28.

Wegeler C. „...wir sagen ab der internationalen Gelehrtenrepublik“. Altertumswissenschaft und Nationalsozialismus. Das Göttinger Institut für Altertumskunde. 1921–1962. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1996. 427 S.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; *alexchrjakov@yandex.ru*